Вырезка из газеты Советское искусство
Москва от 5 МАЙ 38
Газета №

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

В московском Театре революции

* * *

Премьерство губит театр

Московский Театр революции не выходит в течение последних сезонов из состояния организационного кризиса. Управление по делам искусств при Моссовете, в ведении которого этот театр находится, с непростительным спокойствием относится к его судьбе. В течение двух лет своего существования управление фактически ничего не предприняло для укрепления руководства этого театра, для оздоровления производственной атмосферы, для выпрямления его репертуарной линии. Дальше случайного участия в собраниях труппы театра, вынесения резолюций и платонических обещаний руководство Управления по делам искусств в своей «помощи» театру не шло...

Такое равнодушие привело ныне театр к такому состоянию, которое требует принятия самых срочных и радикальных мер.

Трусливость и безответственность часто сменявшихся руководителей Театра революции особенно болезненно сказались на состоянии его репертуара. Ныне в репертуаре театра только две советские пьесы: «Гибель эскадры» и «Правда». Это все, что сохранилось за 15 лет работы театра! Так выглядит репертуар театра, называющего себя Театром революции!

К столь же неутешительным результатам привела «политика» руководителей театра и в области идейно-творческого руководства актерским коллективом. Эпохой творческого расцвета театра справедливо считается время, когда его художественным руководителем был А. Д. Попов. Но и этот культурный режиссер, любящий советский театр, начал с того, что освободил Театр революции от таких талантливых актеров, как Зубов. Лишин, покойный Терешкович. В этом театре не было бережного отношения к актеру. Проявления групповщины, премьерства, махрового актерского и режиссерского индивидуализма всегда мешали и сейчас особенно вредят работе Театра революции.

Когда М. Штраух заговорил в свое время о значительном политическом и художественном успехе спектакля «Улица радости», тогдашние руководители театра ответили ему:

— Это успех не театра, а только его отдельных актеров...

Такое противопоставление отдельных работников театру в целом, отсутствие художественной дисциплины, низкий уровень политико-воспитательной работы — все это привело к разобщению труппы, каждый актер оказался предоставленным себе.

Сейчас подобные настроения премьерства расцвели в труппе Театра революции пышным цветом. Дело доходит до того, что иной раз бывает трудно распределить роли, так как каждый актер «первого положения» хочет играть в спектакле без «конкурентов», не терпя творческого соревнования своих товарищей. Это приводит к совершенно недопустимому в советском театре характеру личных взаимоотношений. Отдельные актеры и актрисы месяцами друг с другом не разговаривают и ревниво следят за тем, чтобы их соперникам не досталось хорошей роли. Заслуженная артистка Бабанова порекомендовала дирекции театра пьесу молодого драматурга Арбузова «Таня» (на тему о советской женщине). Пьеса дирекцией принята к постановке, но к репетициям приступить невозможно, так как ряд актеров и актрис отказывается от ролей в этом спектакле из-за нежелания «подыгрывать Бабановой» (которой предстоит играть заглавную роль).

Около двух лет продолжается уже кризис художественного руководства Театра революции. Дирекция и партийное руководство театра ничего не сделали для того, чтобы помочь художественному руководителю и его работе. А. Д. Попов, сделав очень много для творческого развития Театра революции, вынужден был из него уйти отнюдь не по принципиально-творческим мотивам. Дело обстояло «проще»: он не в силах был преодолеть затаенной актерами склоки, а дирекция театра (в лице товарища Зубкова) отказала ему в помощи, когда он за ней обратился. Сменивший Попова Шпенцов также «не сработался» с труппой и вскоре, сорвав постановку спектакля «Пушкин» к пушкинскому юбилею, также оставил театр. Новый директор театра т. Соболев, по существу, продолжал безхребетную репертуарную и организационную политику в театре. Кратковременным и бесплодным для театра оказалось пребывание на посту его художественного руководителя режиссера Петрова. Сейчас театр работает без художественного руководства.

В портфеле Театра революции нет пьес о героике советской действительности, нет политически острой советской пьесы. Все дело в том, что нет художественного руководителя, который бы сумел твердой рукой, беря на себя всю ответственность, навести порядок в творческих цехах театра.

Среди актеров унынье и разброд. Многие актеры и актрисы из тех, что отдавали Театру революции все творческие силы в течение 10—15 лет, тяготятся создавшимся положением и стремятся уйти в другие театры. Директор т. Соболев не сумел создать сколько-нибудь здоровую творческую атмосферу в театре. Партийная часть и профсоюзная организация театра оказались в роли бесстрастных, сторонних наблюдателей.

В труппе театра имеется достаточно здоровых сил для того, чтобы вывести театр на путь созидательного творчества. Управление театров ВКИ должно немедленно исправить ошибки Московского управления, предложив ему принять срочные и решительные меры для оздоровления Театра революции. Первое, что нужно сделать,— дать театру политически ответственное и художественно авторитетное руководство. Должны быть проведены решительные меры по ликвидации нездоровых, индивидуалистических настроений в самой труппе.

П. АРБАТСКИЙ

По сцене гуляет ветер

Что привело коллектив Театра революции к тому состоянию анархии и бездействия, в котором он находится сейчас? Прежде всего разобщенность, господствующая в труппе. Разобщенность неизменно порождает равнодушие.

Театр потерял свое творческое лицо, свою индивидуальность. Это об'ясняется слишком частой сменой руководства. В труппу, набранную без всякого принципа, приходили и вскоре уходили многие руководители. Одни руководители, приходя, утверждали, что будут проводить «свой метод» и систему; другие совсем ничего не говорили о своих принципах. Каждый руководитель ставил не более двух-трех спектаклей и уступал место новому. Понятно, что всем этим руководителям было не до воспитания труппы; они шли по пути наименьшего сопротивления, работая лишь с теми актерами, которые им были нужны для очередной постановки.

Что было делать актеру, «не подошедшему» к методу режиссера? Или перестраиваться, или жить с горьким сознанием своей ненужности в театре. С приходом нового руководителя вся труппа обычно оживала, находила общий тон, появлялась надежда на лучшие дни. Но довольно быстро обозначались «установки» нового режиссера, и в результате множились новые обиды. Так в театре порождалось недоверие друг к другу, отчуждение.

Из-за частой смены руководства театр не всегда, естественно, был принципиален и в выборе репертуара, теряя одного за другим своих авторов. Большая часть труппы сидела без дела. Творческого соревнования между актерами одной квалификации не было. Актеры вводились и вводятся в роли по-канцелярски, формально, поэтому они вынуждены или буквально копировать предшественника, или готовить роль наспех, не получая никаких указаний режиссера. Есть в театре и «нековушки», то-есть актеры, о которых совсем не заботятся, творческая жизнь которых остановилась на каком-то этапе.

Работа в театре протекает в условиях, мало способствующих творчеству. Входишь в уборную и сразу попадаешь в необычную атмосферу: или забыли закрыть кран отопления, — значит жара до 30°, или же не открыли кран, — мерзнешь, пока помещение не нагреется... Мимо дверей уборной— бесконечная беготня актеров и студентов школы, со смехом, криками, пением. Из соседних уборных доносятся крики: «парик», «костюм», громкие требования принести лигнин, зеркало, лампочку. Попробуйте попросить парикмахера принести вазелин, он ответит: «не наше дело»; а чье это дело, мы не можем узнать лет десять...

Поднимитесь в буфет выпить чаю. Мрачное помещение. Столы, залитые водой, на них пустые бутылки, на прилавке — неаппетитные, по всем признакам вчерашние бутерброды.

Обращаешься в дирекцию, здесь отвечают: «Наладьте работу общественности, тогда все будет в порядке».

На сцене гуляет ветер, дует со всех сторон. Рабочие вносят декорации из холодного сарая. А комната отдыха? Это — склад случайных вещей. В комнате, где размещен электротехнический цех, стены вечно мокрые. Сыро и в помещении оркестра. У рабочих сцены — комната мрачная и грязная, поэтому они предпочитают сидеть везде, где можно — в коридорах, на полу, на ступеньках, — только не у себя. Тесно и холодно у бутафоров. В костюмерном цехе — склад вещей, пересыпанных нафталином. Не раз просили перенести эти вещи в другое место, — безрезультатно.

Как все это воспринимается работниками театра? Что порождает такое безразличное отношение к актеру в продолжение многих, многих лет? Актеры постепенно привыкли не уважать труд товарищей, не считать нужным даже здороваться. Эта расхлябанность и распущенность несовместимы с сознанием советского актера.

Несмотря на все это, Театр революции все же является жизнеспособным организмом. Но, предоставленный самому себе, он, конечно, нормально развиваться не может. Он будет жить от спектакля к спектаклю.

Как на всяком предприятии, так и у нас в театре все дело в порядке, плановости и принципиальности, то-есть в твердом единоначалии и в сплоченности коллектива. Надо любить театр, а не себя в театре.

Засл. арт. республики А. БОГДАНОВА